
Л. М. САБУРОВА

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО БЫТА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1919—1929 гг.)

В результате социалистической революции и установления Советской власти произошли существенные изменения в культуре и быте народов нашей страны.

Уже в первые годы Советской власти, в 1920-е гг. (до начала массовой коллективизации) намечается ломка многих устоев традиционного крестьянского быта, в том числе семейного и общественного. Эти изменения у различных народов и групп населения имели как общие черты, так и различия. Некоторые особенности в этом отношении можно видеть и на примере русского населения Приангарья (бассейна средней и нижней Ангары).

Освоение Приангарья русскими началось в XVII в. С половины XVIII в., в связи с постройкой Московского тракта и перемещением путей колонизации приток новых поселенцев в край уменьшился, что способствовало сохранению здесь старожильческого населения.

Даже после реформы 1861 г., а также после Столыпинской реформы, когда переселение в Сибирь стало особенно интенсивным, основной его поток направлялся по магистрали в степные области края. Таежные пространства Приангарья из-за трудности их освоения оставались в стороне от этого движения, и новых переселенцев здесь было крайне мало.

Этим Приангарье отличается от других районов Сибири, в которых количество переселенцев в XIX в. было значительным, сильно изменяло состав населения и культуру старожилов.

В формировании русского населения этого района, которое происходило в течение длительного времени, преимущественная роль принадлежала уроженцам северных и центральных районов страны, но в нем принимали участие и выходцы из южных, западных и украинских губерний и даже в известной степени местные народности (эвенки, буряты). Это наложило отпечаток и на культуру русских Приангарья, в ней были творчески переработаны разные компоненты. Многие из них восходят к севернорусским особенностям: орудия труда, способ их изготовления, сельскохозяйственные культуры, тип поселения и жилища; части женской одежды — тип рубахи, тепляки, сушуны, шубейки и пр. Заметно влияние южнорусской и украинской культуры (злаки и овощи, распространенные у южновеликорусов и украинцев, принцип устройства замкнутого открытого двора, детали и названия одежды). Некоторые черты были восприняты у местных народностей — эвенков и бурят (в области охоты, рыболовства, производственной одежды, пищи и пр.). В ходе развития наряду с видоизменением традиционных

черт были выработаны новые, дополняющие культурный комплекс русских этого района.

В дореволюционный период вследствие некоторой географической изолированности и отдаленности от промышленных центров население сохраняло известную замкнутость экономики и быта, несколько уменьшившуюся в конце XIX в. благодаря отходничеству на золотые прииски (на Лену и в низовья Ангары), развитию обменной торговли между микрорайонами и посреднической — с более отдаленными районами. Политические ссыльные, число которых особенно увеличилось здесь после 1905 г., оказали серьезное влияние на рост политического и социального сознания местного населения, а впоследствии сыграли важную роль в установлении и организации в этих местах Советской власти и в развертывании партизанского движения против Колчака, в котором широкое участие приняли ангарские крестьяне.

Ко времени установления Советской власти население в Приангарье было редким, населенные пункты — мелкими. В хозяйственном отношении здесь была освоена лишь узкая полоса по течению Ангары и ее притоков. Главное занятие крестьян — земледелие — дополнялось экстенсивным животноводством, охотой и рыболовством. Охота имела пушное, товарное направление (охота на белку) и потребительское — охота на парнокопытных, на боровую и водяную птицу. Продукты рыболовства использовались в основном в крестьянском хозяйстве и лишь частично шли на продажу. Сельскохозяйственные угодья — как пахотные, так и сенокосные, были расчищены из-под тайги и находились в наследственном пользовании. К числу «деловых», т. е. общественных земель, относилось лишь небольшое количество угодий. Каждое хозяйство здесь имело землю мелкими участками в 10—15 местах, так как местные природные условия — гористость, болотистость, пригодность для посевов лишь южных склонов, различие почв и т. д. не позволяли производить расчистку земель на больших площадях в одном месте.

В первые годы после установления Советской власти здесь сохранялось наследственное пользование землей, натуральный строй хозяйства, его комплексность и направление, а также в значительной степени — хозяйственные приемы. По-прежнему бытовали старинные приемы земледелия и орудия труда: расчистка пашни из-под леса, паровая система при двупольном севообороте, рутинная техника — сохи, деревянные бороны и т. д. Гражданская война и разруха временно нарушили прежние обменные и экономические связи района, усилили его изоляцию, в результате чего почти прекратилось снабжение края товарами, которые не производились на месте: сельскохозяйственным инвентарем, предметами бытового назначения и др.

Органы Советской власти с самого начала приняли энергичные меры для налаживания хозяйственного снабжения населения, используя для этого местные ресурсы. В ряде мест в 1919—1920 гг. были оборудованы кожевенные заводы, солеваренный завод (на р. Рассолке, в 180 км от с. Кежма), заводы сухой перегонки дерева; в 1920—1921 гг. были открыты кузнечно-слесарные мастерские, в которых вырабатывались железные плуги и ремонтировались старые сельскохозяйственные орудия. Организованное здесь потребительское общество завозило для населения плуги, сеялки, веялки, жнейки, сортировки, сепараторы. Однако некоторые последствия отдаленности давали себя знать. Так, уже после денежной реформы здесь ощущался недостаток в денежных знаках и даже волостной исполнительный комитет вел расчеты по «товарно-курсовому» рублю (1 коп. новых денег за 100 руб. старых). Вплоть до 1924 г. наряду с денежными знаками и предпочтительно им

употреблялись шкурки белки: их выдавали в ряде мест в качестве зарплаты служащим, выплачивали командировочные, на них покупали хлеб.

В результате обесценения денег в первый период, а затем недостатка денежных знаков, здесь применялись и другие виды натуральной оплаты. Так, кожей платили за выделку кож на кожевенных заводах; мануфактурой и охотничьим провиантом — за сданную пушнину и т. д. Даже штрафы за различные нарушения общественного порядка взимались натурой: нарушителей обязывали заготовить определенное количество дров для общественных зданий, произвести дорожные ремонтные работы и т. д.

Уже в первые годы органы Советской власти проявляли заботу о развитии крестьянского хозяйства. Так, в 1920 г. земельный отдел Енисейского уездного ревкома выдавал населению с прокатных пунктов сельскохозяйственные орудия и распределял семена среди нуждающихся крестьян. Принимались меры для расширения посевов. С этой целью волостным земельным отделам было объявлено, что земельные площади, расчищенные крестьянами в прежние годы, но не используемые до сего времени, могут быть обработаны каждым желающим¹.

В 1920 г. местные Советы произвели учет всего трудоспособного населения. Был мобилизован наличный сельскохозяйственный инвентарь (молотилки, веялки) для помощи крестьянам в обмолоте хлеба урожая 1920 г. Значительное количество хлеба шло на снабжение местного иномационального населения. Так, по разверстке 1920 г. только Кежемская волость отправила 2000 пудов хлеба для эвенков.

Несмотря на то, что у крестьян, особенно в бедняцких хозяйствах, удерживались традиционные орудия труда: сохи, бороны, цепы, катки, уже в первые годы Советской власти начала изменяться техника земледелия, появились усовершенствованные орудия и машины, которые в Приангарье встречались ранее лишь в виде исключения.

Население получало от потребительского общества машины и орудия на льготных условиях². Машины приобретались крестьянами на паях³ в собственность двух-трех, даже восьми и более дворов. Некоторые крестьяне были, например, собственниками $\frac{1}{16}$ молотилки. В крестьянском хозяйстве наибольшее распространение получили молотилки, жнейки и веялки, но встречались и другие машины.

Видную роль в подъеме техники земледелия сыграли организованные в 1923—1924 гг. при каждом сельском совете крестьянские общества взаимопомощи, интегральные кооперативы, агроучастки и прокатные пункты, которые оказывали помощь крестьянским хозяйствам: предоставляли им денежный кредит, машины, а беднякам, кроме того, оказывали безвозмездную денежную и трудовую помощь.

Мероприятия Советской власти способствовали увеличению количества середняцких хозяйств и уменьшению числа кулацких и бедняцких дворов. Эти меры не могли, конечно, изменить классовую природу мелкотоварного производства. Значительным оставалось и классовое расслоение. Так, наряду с высокой средней обеспеченностью скотом, здесь имелись безлошадные и бескоровные, а также хозяйства, не имеющие пахотных земель, хотя количество таких бедняков и уменьшалось.

¹ Енисейский государственный архив (далее — ЕГА), ф. Р-178, оп. 1, д. 39, л. 24.

² Там же, ф. 17, оп. 1, д. 85, стр. 54.

³ Тот же принцип действовал здесь в отношении постройки и владения мельницами, грузовыми крытыми лодками-илимками и др. Так, в 1921 г. в 26 населенных пунктах Кежемской волости все имеющиеся мельницы (101) содержались артелями крестьян на паевых началах.

Все это подводило крестьян к осознанию необходимости перехода к коллективным формам хозяйства.

Еще до начала массовой коллективизации здесь начинают организовываться коллективные хозяйства различной формы: машинное товарищество, охотничья артель, товарищества по совместной обработке земли, животноводческое товарищество и др. Существенно меняется содержание и направленность общественной жизни. Участие в партизанском движении, борьба против колчаковцев обусловили сочувственное и активное отношение крестьян к мероприятиям Советской власти уже в первый период ее установления. Так, 8 июля 1920 г. на Волостном крестьянском съезде была принята следующая резолюция по текущему моменту: «Мы, крестьяне Кежемской волости, заслушав доклад о текущем моменте, сознаем и понимаем, где правда и каковы задачи рабоче-крестьянского правительства и каждого члена трудовой семьи. Все мы готовы идти навстречу рабоче-крестьянской республике, встать на защиту свободы, дабы не попасть снова в кабалу к капиталу. Наша Красная Армия несет нам светлое будущее, светлую свободу, и мы все согласны и готовы поддержать ее и дать все необходимое для наших защитников. Мы твердо верим в торжество нашей победы»⁴.

В отчете Кежемского волревкома от 15 июля 1920 г. отмечалось: «Все требования выполняются населением охотно и особенно охотно, если сопровождаются разъяснением»⁵.

Этому в значительной степени способствовала организаторская и разъяснительная работа сельских советов. Местные органы власти с первых лет взяли на себя и многие хозяйственные функции и среди них дела, связанные с кредитованием, снабжением населения семенной и денежной ссудой, устройством бедняцких семей на местные заработки по постройке грузовых лодок-илимок, паромов и др. Сельские советы разъясняли населению постановления Советского правительства, вели агитацию за внедрение передовых приемов хозяйства (постройку теплых скотных дворов, посев корнеплодов и др.). Причем в отчетах сельсоветов отмечался результат этой агитации, например, количество построенных теплых скотных дворов и т. д.

Впоследствии большую работу среди крестьян провели секции сельского совета, особенно сельскохозяйственные, которые занимались зачастую практическими делами: изыскивали и расширяли пастбища, организовывали работы по осушению болот, прорытию рвов и т. д.

Большую воспитательную роль играли открытые заседания сельских советов, на которые приглашали представителей местных организаций ВКП(б), ВЛКСМ, от Крестьянских кредитных обществ взаимопомощи, работников избы-читальни; сюда приходили делегаты от крестьян, батрачкома; в тех населенных пунктах, где имелись служащие, выбирались делегаты и от них. Сельсоветы регулярно, раз или два в месяц, отчитывались перед гражданами о своей работе, о развитии школьного дела, кооперативной работы и т. д. Устраивались и специальные отчеты сельских советов перед школами, крестьянскими кредитными обществами взаимопомощи и другими организациями. Как показывают протоколы, такие отчеты собирали большую аудиторию и проходили очень активно. О заинтересованности присутствующих говорит тот факт, что они обычно задавали большое количество вопросов, выступали с критикой работы сельских советов и с конкретными предложениями по ее улучшению.

⁴ ЕГА, ф. 17, д. 36.

⁵ Там же.

Особую заинтересованность крестьян вызывали отчеты Волостного исполкома, которые также проводились в каждом селении. Так, на отчете Кежемского волысполкома перед гражданами Сосновского сельсовета в 1928 г. крестьяне задали 67 вопросов, причем многие из них были заданы женщинами и относились к содержанию, характеру и перспективам работы детских ясель, впервые открытых в Кежме в 1928 г. в коммуне «Заветы Ильича». Спрашивали, например: что такое детясли, каковы результаты их работы в коммуне, где они еще будут открыты, чьих детей принимают в детские ясли и т. д. Активно проходили Съезды советов. Так, на втором Кежемском съезде советов Канского округа в 1929 г. при отчете о деятельности Канского окрисполкома было задано 65 вопросов, по докладу о работе райисполкома — 101 вопрос.

В первые годы Советской власти функционировали и сельские сходы («согласия») из представителей всех домохозяйств, которые решали различные хозяйственные и некоторые культурно-бытовые вопросы. В ведении сельского общества по-прежнему находилось распределение между крестьянами таких повинностей, как гоньба, починка дорог. При этом, как и ранее, за единицу разверстания принималась «бойцовая душа». Однако, кого считать «бойцовой душой» — определяло не «общество», а местные органы Советской власти. Так, в 1923 г. Кежемский волостной съезд принял постановление об учете бойцовых душ, предложив считать бойцовой душой трудоспособных мужчин в возрасте от 17 до 53 лет «за исключением пролетариата, т. е. пришлого населения, которое не имеет своего сельского хозяйства»⁶. Однако помимо традиционных вопросов сельские сходы рассматривали и совершенно новые. Так, по рекомендации волостного культурно-просветительного общества сельские сходы выносили в 1920 г. «приговоры» об открытии изб-читален и библиотек, для которых выделяли или арендовали помещения на средства общества или же принимали решение проводить читки поочередно в разных избах. На сходах утверждались и лица, которые должны были проводить в читальных громкие читки, избиралось правление читальни (библиотеки). Так, 29 апреля 1920 г. сельское общество д. Недокуры Кежемской волости приняло решение открыть читальню, но пока не построено специальное здание, читки проводить по разным избам, так же, как и сходы⁷. В июне 1920 г. подобные решения приняли сельские общества деревень Костино, Аксеново, Кова, Прокопьево и др.⁸ На собраниях многих сельских обществ поднимались вопросы и о строительстве школ. Пановское сельское общество, например, в 1920 г. приняло единогласное решение ходатайствовать перед волостью о постройке двухклассного училища, отметив, что «со своей стороны общество обязуется поддерживать постройку и содержание училища: даст сторожа, будет снабжать дровами и т. д.»⁹

Однако в некоторых случаях сельские сходы принимали решения и по вопросам, не подлежащим их юрисдикции (как например, об административных взысканиях и штрафах за различные нарушения), на что и было обращено внимание местными партийными и советскими органами.

Активизация общественной жизни сказалась также в подъеме культурной работы среди населения. Образованное в 1920 г. в Кежме

⁶ ЕГА, ф. 17, оп. 1, д. 85, стр. 38.

⁷ Там же, д. 36.

⁸ Там же.

⁹ Там же, д. 36, протокол № 5 Пановского сельского общества.

(как и в других волостных центрах) культурно-просветительное общество «Народный дом» призвано было руководить развитием самодеятельности, работой библиотек в волостях и на эвенкийских факториях. Это же общество организовывало в нужных случаях субботники, которые получили здесь название «День труда». Одной из популярных форм работы «Народного дома» была подготовка спектаклей, которые привлекали большое количество зрителей, на спектаклях всегда присутствовали и должностные лица (указание на это имеется в материалах Кежемского Ревкома 1920 г.).

Открытые усилиями общественности в каждом селении читальни регулярно снабжались периодикой. Так, в 1920 г. Енисейский уездный комитет рассылал бесплатно по избам-читальням газеты «Советская Сибирь», «Сельская правда», «Известия ЦИК'а», «Красный рабочий», «Красный стрелок» и др. Устраиваемые в читальнях громкие читки привлекали большое количество слушателей. Это был почти единственный способ ознакомления населения с содержанием газет, так как подавляющая часть крестьян была неграмотной (грамотными среди них были единицы, малограмотными — менее 10%). С 1920 г. в Приангарье начинает расти и школьная сеть, которая в начале XX в. была очень узкой. Все крестьянское население охотно отдавало детей в школу.

Новый характер приобретают взаимоотношения местного русского населения с эвенками, причем не только в области экономики, но и в быту. Широко разворачивается шефство русского населения над эвенками, им оказывали помощь в развитии грамотности, различных форм культурной работы. Многие из местных жителей были привлечены к работе на созданных в Эвенкии факториях.

В развитии всех форм культурной жизни большая роль принадлежала молодежи, наиболее передовая часть которой вступала в комсомол. Страстное стремление молодежи жить по-новому отражено и в протоколах комсомольских собраний. Комсомольцы села Кежма в решении одного из первых своих собраний (31 октября 1920 г.) записали: «Мы, деревенская молодежь, живя в таком глухом углу, куда свет стал проникать только после революции, и видя ту жизнь, которую вели и ведут наши родители по вине царского правительства, жизнь, где обитает лишь темнота и невежество, не должны идти по их дорожке, мы должны учиться строить новую жизнь для себя и других»¹⁰.

Комсомольцы находились на передовом крае борьбы за все новое, что принесла с собой Советская власть, выступали активными борниками многих культурных мероприятий. Весной 1921 г. многие комсомольцы вместе с членами партии принимали участие в ликвидации белогвардейской группы. Зимой 1920—1921 гг. комсомольцы включились в работу по подъему грамотности населения. Комсомольская организация принимала горячее участие в работе «Народного дома» и создании самодеятельных коллективов на местах.

Комсомольцы своими силами подготовили и показали большое количество шефских спектаклей. Ставили и платные спектакли, а большую часть получаемых за это средств комсомольцы через уездные Комитеты комсомола отсылали в помощь Западному фронту¹¹.

Значительная работа была проделана по привлечению женщин к общественной жизни. В 1920 г. председатель Волревкома после поездки по деревням волости указывал, что «...об участии в выборах на

¹⁰ ЕГА, ф. 17, д. 36.

¹¹ Там же.

волостной съезд женщин не может быть и речи, так как укоченный обычай отделения женского пола от политических местных дел настолько укоренился, что трудно сразу перейти на новый путь, который дан законом республики»¹². Но уже через 5—6 лет женщины становятся постоянными участницами сходов, бедняцких и других собраний, делегатками Съездов советов и выступают инициаторами в общественных делах. Так, в 1928 г. на Втором Кежемском съезде советов делегатка Васса Брюханова выступила с решительным заявлением о необходимости земельной реформы, сказав: «Землеустройство надо проводить, а то землю у нас захватили зажиточные, а бедняков посылают на дальние и худшие поля; нечего, товарищи, бояться кулаков, надо отобрать у них землю; если вы стесняетесь их, то мы, женщины, будем добиваться хорошей и ближней земли. Пусть-ка они попробуют на плохих земельных угодьях»¹³.

Существенное значение имело появление революционных праздников, форма проведения которых носила общественный и совершенно новый характер: демонстрации, митинги, торжественные заседания и т. д. Вместе с тем сохраняют свое значение и старые праздники, особенно обрядовые. Необходимо, однако, отметить, что некоторые обрядовые праздники в этот период теряют свое религиозно-магическое содержание, превращаясь в простые увеселения. Это можно видеть на примере празднования масленицы, своеобразии которого удерживалось здесь вплоть до начала массовой коллективизации. В первый день масленицы обычно происходила имитация хозяйственных работ годового цикла. В селе Кежма, насчитывающем 250 дворов, в этот день выводили на улицу до тысячи лошадей, оседланных для верховой езды или запряженных в парадные сани — «кошевы», в которые ставили мялки, прялки, чаны для варки пива и т. д. За санями везли сохи, бороны, «пахали» и «боронили» ими снег; едущие в санях изображали сев, «мяли» коноплю, чесали и пряли пряжу, «варили» пиво, выезжали за деревню в поле и там «жали» хлеб. По снегу же бечевой тянули лодки с веслами, в которых сидело несколько человек, неводом и сетями «ловили» зазевавшихся односельчан и тащили их по дороге. Все это сопровождалось шутками, игрой на музыкальных инструментах. Следом ехала «свадьба нарощечная», под которую запрягали десять кошев — настоящий «свадебный поезд». Все большее значение молодежи в проведении этого праздника и усиление его развлекательной стороны — такова эволюция этого, как и некоторых других обрядовых праздников в 20-е годы.

Уже в первые годы Советской власти заметные изменения происходили в семье и семейном быту населения. Представление о характере и составе семьи этого периода может дать анализ посемейных списков Кежемской волости за 1925—1926 гг.¹⁴, так как данные по этому району характерны в той или иной степени для всего Приангарья.

В этот период преобладающей формой семьи была семья из двух поколений: родителей и их детей. Очень незначительным был процент одиночек (в основном батраков и батрачек) и бездетных супругов.

¹² ЕГА, ф. 17, д. 36.

¹³ Кежемский районный архив.

¹⁴ Эти списки характеризуются достаточной полнотой и дают представление о численности, структуре и хозяйственной обеспеченности каждой семьи. Перепись производилась по селениям. В переписных листах указан состав каждой отдельной семьи — имя, пол, возраст, образование и отношение к главе семьи всех ее членов. В специальных графах содержится характеристика хозяйства: количество земли, посева, покоса, соотношение засеваемых культур, численность скота по видам и возрастам, наличие усовершенствованных орудий и машин, число охотников в семье.

В то же время, несмотря на преобладание малой семьи и тенденции к возрастанию ее в процентном отношении, здесь продолжали бытовать семьи со значительным численным составом и сложной структурой, особенно в зажиточных хозяйствах. Причина бытования таких семей заключалась главным образом в хозяйственной деятельности населения, так как характер местного крестьянского хозяйства, необходимость расчистки земли требовали усилий многих людей. В 1925 г. средняя численность семьи в бедняцкой группе была 4,96, в середняцкой — 7,83, в зажиточной — 10,63 чел.¹⁵

Структура семей с большим численным составом была различной: наибольшую группу среди них составляли семьи из трех-четырех поколений, состоящие из главы семьи и его прямых родственников (и их жен) по восходящей и нисходящей линиям, т. е. глава семьи жил совместно с несколькими женатыми сыновьями, незамужними дочерьми, внуками, часто и со своими родителями. Так, семья Н. Р. Заборцева (деревня Заимка) состояла из 14 человек: родителей, трех женатых сыновей, несовершеннолетних дочерей и сыновей, внуков. В семье С. Я. Деревянных (деревня Савино) было 16 человек: родители, женатые и холостые сыновья, незамужние дочери, внуки, родители главы семьи. Женатые братья часто не делились и после смерти отца, продолжая вести совместное хозяйство. Главой семьи становился один из братьев, что меняло структуру семьи, т. е. отношение ее членов к главе. В состав такой семьи входили не только прямые родственники главы, но и родственники по боковой линии: братья, сестры, племянники в различных сочетаниях. В семье М. А. Брюханова (деревня Заимка), помимо его матери, жены и детей, жили также три его брата с женами и детьми — всего 20 человек. Количество таких семей было небольшим, намного меньшим, чем число семей из нескольких женатых братьев во главе с отцом. Однако такие семьи обнаруживали устойчивость и не распадались иногда даже после смерти одного из братьев. Семья И. Ф. Брюханова (деревня Заимка) насчитывала 13 человек и состояла из родителей, их женатых и холостых сыновей, дочерей, внука, вдовы брата главы семьи с тремя детьми. В семье А. С. Верхотурова (деревня Сосново) жило 12 человек: его отец, жена, дети, вдова брата со своими детьми и внуком. Племянники часто оставались в семье и при отсутствии обоих родителей. Семья И. Т. Непомнящих (деревня Паново) состояла из жены, детей, тетки и племянников главы семьи. В семью И. Ф. Усольцева (деревня Усольцево) входили, помимо его жены и двух детей, дядя, сестра, шесть племянников.

Интересно отметить, что в этот период семьи, в состав которых входили дяди и тетки главы семьи в старшем поколении, были зафиксированы во многих селениях, что можно рассматривать как известный отголосок очень давней традиции, связанной с семейной общиной. Так, в семье Н. И. Заборцева (деревня Заимка) помимо его прямых родственников — матери, жены, детей, жили два дяди, тетка, брат с женой, племянник. В семье П. П. Карнаухова (деревня Аксеново) было 15 человек: кроме его родителей и детей, жили дядя, тетя, женатый брат, племянники. В семье П. Н. Заборцева (деревня Заимка) из лиц старшего поколения жили его дед, бабушка, дядя и тетя. В состав семьи П. И. Бабашкина (деревня Кова) входило 18 человек: глава семьи с женой и детьми, его мать, тетка, два женатых брата, сестры, племянники.

¹⁵ Кежемский районный архив Красноярского края. Материалы за 1925—1929 гг.

Встречались и семьи, в которых, кроме дядей и теток, жили двоюродные братья и сестры главы семьи, например, семья Н. П. Быкова (20 человек, деревня Сосново) включала в свой состав, помимо прямых родственников главы, его дядю, женатых и холостых братьев, племянников, двоюродную сестру. В семье С. А. Пономарева из деревни Паново, помимо его жены и детей, жили дядя, тетя, двоюродная сестра. В семье А. М. Сизых (9 чел.) из родственников по боковой линии проживали тетка главы семьи и два его двоюродных брата.

Встречались семьи, в которых жили дети двоюродных братьев главы семьи (без своих родителей) и внуки двоюродных братьев. Так, в состав семьи Д. К. Сизых из деревни Селенгино входили: глава семьи, его жена, отец, приемный сын, три «сродных» племянника (дети двоюродного брата), «сродный» внук (внук двоюродного брата).

Главой семьи всегда был мужчина и лишь в исключительных случаях (в Кежемском районе — в двух семьях) женщины-вдовы. Преобладающий возраст главы семьи — от 30 до 50 лет (по нашим материалам — в 70% семей), примерно в пятой части семей (23%) главы имели возраст от 20 до 29 и от 50 до 59 лет и остальные 7% приходятся на возраст от 60 до 80 лет.

В нарушение традиционных норм главой семьи считался не обязательно самый старший член ее, а наиболее работоспособный, тот, «который мог править хозяйством», по выражению крестьян. Это особенно наглядно видно в семьях, состоящих из нескольких женатых братьев. Так, в семье К. И. Привалихина (деревня Усольцево), состоявшей из трех женатых братьев (34, 50 и 60 лет), их жен и детей, «главным» был младший брат. Младший из братьев считался главой также в семьях И. И. Сизых и А. А. Секурцева (деревня Селенгино). В этой же деревне одним хозяйством жили три брата Карнауховы (36, 42 и 43 года) со своими женами и детьми, главой семьи считался средний брат.

В неразделенной семье, «артеле» по местной терминологии, всем распорядком в доме ведал глава, старший. Информаторы отмечают, что главное внимание старший должен был уделять организации хозяйства: «одумывать все по расчету, на завтрашний и послезавтрашний день». В связи с этим главный хотя и принимал участие во многих работах наряду с другими домашними, но, как правило, был избавлен от наиболее тяжелых работ: «Он все время на хозяйстве был (главным), не изработался». Глава ведал и семейным бюджетом, но в послереволюционное время обычно согласовывал наиболее важные финансовые вопросы со взрослыми членами семьи.

Принадлежащие семье деньги расходовались почти исключительно на общехозяйственные нужды. На «личные» нужды членов семьи деньги выдавались редко. Так, например, забота об одежде семьи целиком лежала на женщинах. Женщина должна была сама изготавливать одежду для своей семьи — «одевать» себя, своего мужа и детей, не получая на это денег из общесемейной кассы. Распорядком работы женщин в неразделенной семье ведала жена «главного». Невестки обычно по очереди, понедельно, работали по дому, «стояли у печи» (неделя «страпова») и ухаживали за скотом (неделя «скотова»). Невестка, которую особенно отличал свекор, «стояла у стола», т. е. подавала пищу на стол, а при гостях — пела песни¹⁶.

¹⁶ По принятому здесь обычаю трапеза почетных гостей сопровождалась пением прислуживающих у стола женщин.

От женщины, как в неразделенной, так и в малой семье, требовали умения хорошо вести домашнее хозяйство, быть искусной «ткарьей» и «пряльей».

Помимо домашних работ, женщина «в ряд с мужиком» выполняла все полевые работы, занималась рыболовством, а иногда и охотой, извозом («ямщиной»).

В народных представлениях большая семья по-прежнему несколько идеализировалась, ассоциировалась с зажиточностью. В рассказах информаторов о таких семьях преобладает именно этот аспект. Один из старожилов села Кежмы отмечал: «Жил у нас в Кежме Константин Петрович Брюханов, в семье которого было 23 человека. Шесть женатых сыновей жили вместе с отцом. Они ломают работу, все на кучу тащат..., достаток к ним шел со всех сторон, как вода наливалась»¹⁷. Однако, как видно из тех же рассказов, в быту, особенно у женщин, большая семья не пользовалась популярностью, и главным образом из-за общей семейной кассы, отсутствия самостоятельности, необходимости подчиняться принятому распорядку: «18 лет прожила в артеле этой, а и 18 копеек не видела, какие они,— рассказывает И. Н. Брюханова (деревня Верхняя Кежма).— Муж из приисков возвращается, все, что заработал, должен отдать отцу, не имел права привезти жене даже какой-либо пустяк в подарок»¹⁸.

Несмотря на то, что в первые годы Советской власти еще бытовали неразделенные семьи и некоторые «совсем неразрывно жили, понятия не имели, как делиться», в этот период продолжается деление больших семей, начавшееся задолго до Октябрьской революции. Это было связано как с расширением товарно-денежных отношений в деревне и некоторым подъемом техники земледелия, так и со стремлением молодых супружеских пар жить «по новым законам», не так, как веками жили старики. В 1929 г. в результате происходящего дробления семей (во всех категориях крестьянских хозяйств) число людей в них уменьшается.

Разделы, как и ранее, происходили внутри семей, «по добру», без участия сходов и понятых, с соблюдением принятого в таких случаях ритуала. В назначенный для раздела день мать ставила на стол ковригу хлеба, солонку соли, зажигала свечу, отец разрезал хлеб на равные части по количеству сыновей и после раздела имущества каждый из отделявшихся брал свой кусок («отрезанный ломоть») в новый дом. Отец делил имущество на доли, распределяя их между делившимися сам или предоставляя право выбора сыновьям.

Новое советское законодательство в области семейного права, мероприятия правительства по подъему культуры населения вызвали изменения внутрисемейных правовых взаимоотношений (между супругами, родителями и детьми, главой семьи и остальными ее членами, отношение к молодежи), рост культурного уровня семьи. Более прогрессивной в этом отношении была малая семья. Не останавливаясь на этих вопросах, которые должны быть предметом специального рассмотрения, отметим, что меняется также форма и содержание семейной обрядности и прежде всего обрядности, связанной с заключением брака. Церковный брак заменяется регистрацией в вол-исполкоме.

¹⁷ Материалы Ангарского отряда Комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР за 1962 г.

¹⁸ Там же.

С первых лет Советской власти исчезает калым¹⁹, встречавшийся ранее в отдельных местах Приангарья в определенной социальной среде. Хотя калым и не был универсальным явлением в Приангарье, его бытование было освящено традицией. Поэтому и форма его исчезновения здесь носит своеобразный характер. Как реакция против калыма получает широкое распространение «свадьба убегом», встречавшаяся ранее сравнительно редко. Причем такого рода браки находили явное сочувственное отношение не только молодежи, но и старшего поколения и были особенно распространены в бедняцкой среде.

Если ранее полагалось публично ругать детей за такой поступок, плакать по дочерям, «убежавшим замуж», не идти с ними на примирение, то в послереволюционное время отношение к таким бракам меняется: «законов не стало силком просватывать», — вспоминая об этом, сообщают информаторы. И. Н. Брюханова, 85 лет, из деревни Верхняя Кежма, рассказывала, что, когда дочери ее «убегали замуж», ни одной она «слова не сказала», когда «сына женила, тоже молодуха бегом прибежала»²⁰.

Свадебный обряд, не отличавшийся и ранее сложностью и пышностью, упрощается, ряд моментов в нем исчезает. В силу традиции, а также вследствие загромождений со снабжением, в первые послереволюционные годы сохраняется, а в некоторых местах даже усиливается существовавший ранее обычай коллективного пользования свадебной одеждой, особенно женской, коллективной покупки несколькими родственными семьями некоторых предметов приданого (одеял и пр.).

Отмеченные ранее экономические причины, заставлявшие крестьян стремиться иметь в семье как можно более рабочих рук, способствовали тому, что в Приангарье вплоть до коллективизации сохранялся институт «брать в дети» — усыновлять малолетних детей. «Брали в дети» обычно зажиточные семьи, как правило, мальчиков (редко девочек) из родственных обедневших семей.

Никаких официальных церемоний усыновления при этом не происходило, взятый ребенок в дальнейшем воспитывался наряду с родными и имел такие же права при наследовании. Родные и приемные родители считались родственниками, даже если до усыновления они не были таковыми, и называли друг друга «сват», «сватья».

Подведем итоги. В первые годы Советской власти в занятиях русского населения Приангарья продолжали бытовать такие традиционные черты, как комплексное ведение хозяйства, его натуральное направление, преобладание земледелия над остальными отраслями, сохранение форм землепользования и во многих случаях — техники земледелия. В то же время в этой области имеются и совершенно новые явления: внесение некоторых плановых начал со стороны государства в крестьянское хозяйство и в результате этого — уменьшение в какой-то мере стихийности его развития, распространение различных форм кредитования и кооперирования крестьянского хозяйства, снабжение

¹⁹ Калым — плата за невесту, которую получали ее родители от родителей жениха. Размер калыма был различным и о нем договаривались родители между собой. При этом случалось, что за калым просватывались и несовершеннолетние дочери и чаще, чем в других случаях, имела место насильственная выдача замуж. Характерно, что в быту различали брак, при котором платили калым, от обычного: «Взял невесту? Нет, купил». Помимо прямого значения, термин «калым» употреблялся населением и в более широком смысле, как синоним платы вообще. В таком значении он проник и в терминологию свадебной обрядности, например «калым за косу невесты».

²⁰ Материалы Ангарского отряда Комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР за 1962 г.

его сельскохозяйственными машинами, что способствовало подъему техники земледелия и воспитанию у крестьян чувства коллективизма.

В первые годы Советской власти наблюдается бурный рост общественной активности населения. Это проявляется в тяге к знаниям — основание библиотек, школ, ликбеза, организация различных лекций и др., в росте активности крестьян при обсуждении вопросов на сходах, заседаниях и отчетах сельских советов и других собраниях, в изменении направленности общественной жизни.

Установление Советской власти дало новую направленность общественной жизни, большую роль в этот период сыграло развитие различных форм самодеятельности, появились новые виды коллективного проведения досуга (посещение библиотек, громкие читки газет, лекции, митинги и т. д.), участие в шефской работе среди эвенков, в организации субботников. Старые формы общественной жизни отступают на второй план, хотя удельный вес отдельных старых элементов общественной жизни оставался значительным. В большей степени они сохранялись в той стороне общественного быта, которая тесно связана с частным: праздники, обрядность и др. В то же время в некоторые старые формы вливается новое содержание; так, сходы наряду с традиционными, обсуждали и совершенно новые для них вопросы. Все это оказывало влияние на крестьянскую семью и семейный быт, в котором также наблюдается сочетание старых и новых черт. Так, сохранение некоторых старых форм хозяйства способствовало тому, что здесь вплоть до начала массовой коллективизации продолжали бытовать семьи с большим численным составом, объединяющие не только прямых родственников главы семьи, но и родственников по боковой линии. Такие семьи характерны в основном для зажиточных хозяйств. Среди этой категории семей и по тем же причинам сохранялся институт приемных детей. Однако основное в этот период в развитии форм семьи — это дробление больших семей. Это происходит под влиянием экономических причин (развитие товарно-денежных отношений, подъем техники земледелия), и в результате стремления молодежи к самостоятельности как в хозяйственном, так и в моральном отношении, их желание порвать с традициями и устоями старого быта.

SUMMARY

The article describes the pattern of family and communal life of the Russian peasants of Angara region (Siberia) in the early Soviet years. The migration of Russians to this region mostly occurred in the 17th century and the first half of the 18th century; since there were few later settlers, the Russian population of the region maintained its traditions for a long time.

The predominant part in the formation of the Russian population on the Angara was played by settlers from the northern and central parts of the country; next came settlers from the southern, western and Ukrainian districts; and lastly, the aboriginal population — the Buryat and Evenk.

In the early Soviet period the Russian population of the Angara region preserved its traditional economic pattern, with the prevalence of agriculture. This promoted the survival of large families, characteristic of well-to-do households, up to the beginning of mass collectivisation. Nevertheless, the measures introduced by the Soviet state from the very outset facilitated improvement of farming techniques and inculcation of a collectivist outlook among the peasants. With the inception of Soviet power the peasants' social life became far more active; the urge for education was more strongly felt by them. New, collective forms of spending leisure hours emerged. Under the impact of economic and moral factors, the large families began to split up.